О КАРТѢ ЗАУРАЛЬСКИХЪ СТЕПЕЙ, ИЗДАННОЙ ВЪ БЕРЛИНѢ.

Извѣстный германскій ученый, Циммерманъ, издалъ въ прошломъ году, въ Берлинѣ, карту зауральскихъ степей подъ названіемъ: «Планъ Театра Войны Россіи съ Хивою и Географическій Анализъ» и пр. (Entwurf des Kriegstheaters Russland's gegen Chiwa und Geographische Analyse etc. Берлинъ. 1840). Эта карта съ объяснительными къ ней приложеніями, плодъ нѣмецкаго прилежанія и добросовѣстности, представляетъ на одномъ листѣ бумаги только окончательную, лицевую сторону долговременнаго труда и многихъ изъисканій; надобно знать по опыту подобныя работы, чтобъ обсудить, по первому взгляду, чего стьялъ окончательный трудъ этотъ сочинителю, сколько надобно было работать, чтобъ наконецъ представить общему суду карту эту въ томъ видѣ, какъ она есть. Вотъ

точка, съ которой должно смотрѣть на подобное произведеніе.

Карта издана въ Берлинѣ, а у насъ еще подобной вещи нѣтъ; у насъ все еще ходятъ по рукамъ карты: шестилистовая и Средней Азіи.

Но, отдавъ картѣ Циммерманна полную справедливость, какъ произведенію усидчиваго труда и начитанности, скажемъ напередъ, что хорошая и вѣрная карта Зауральской Степи еще нигдѣ не можетъ быть составлена, тѣмъ менѣе въ Берлинѣ.

Карта степи, то–есть карта такого пространства, на которомъ глазу нашему нельзя опознаться по городамъ, селеніямъ и мѣстечкамъ, связаннымъ взаимною сѣтью дорльгъ и сообщеній, — это задача трудная, требующая особыхъ соображеній. Множество сухихъ и мокрыхъ, горькихъ, прѣсныхъ и соленыхъ рѣчекъ, ручьевъ, родниковъ, колодцевъ, ямъ, озеръ и лужицъ — солонцы, грязи, пески, глинистыя суходолья, холмы, бугорки, сырты (*), едва замѣтныя возвышенія и склоны, изволоки, равнины, овраги, провалы, — наконецъ даже

(*) Сыртъ, — это возвышенность, раздѣляющая воды.

рощица, полдюжины деревьевъ, могила, курганъ, развалившійся изъ сырца сложенный памятникъ или голубецъ — вотъ все, чтѣ встрѣчаетъ глазъ кочеваго обитателя въ степи этой, все, чему дано названіе, а слѣдовательно этими же предметами ограничивается и то, что мы можемъ нанести на карту и отъискать на ней. Но какимъ образомъ выразить, выказать все это на географической картѣ, какъ нанести и внятно обозначить всѣ эти предметы? Для этого по–крайней–мѣрѣ необходимо сочинителю карты знать во всей подробности къ чему, къ какому именно предмету относится каждое названіе; а гдѣ добыть подобныхъ свѣдѣній? Далѣе, какая возможность для иностранца распутать нашу доморощенную галиматью искаженныхъ названій, нарицательныхъ и собственныхъ именъ, сшитыхъ кое–какъ изъ русскихъ и татарскихъ, малоизвѣстнаго въ Европѣ нарѣчія, словъ? Тау — гора, ташъ — камень, бутакъ — оврагъ, булакъ — ключъ, родникъ, ссу — вода, куль — озеро, кудукъ — колодезь, ссу–атъ — водопой,

кумъ — песокъ, каткылъ — глинистый суходолъ, ссуръ — солонецъ, бургасъ — ржавое болото, и множество другихъ общихъ или нарицательныхъ именъ русскихъ, киргизскихъ и даже монгольскихъ или калмыцкихъ, переходятъ съ карты на карту подъ видомъ именъ собственныхъ; невыразимыя европейскими азбуками, непроизносимыя для заграничныхъ устъ и гортани слова, бываютъ всегда искажены, подмѣнены другими, схожими, или переиначены до того, что ихъ узнать невозможно; самые незначительные предметы, которые, по размѣру своему, ни коимъ образомъ не могутъ быть нанесены на карту, или по сравнительной ничтожности своей мѣста не заслуживаютъ, расписываются нерѣдко крупными, прописными буквами, какъ однѣ столицы на картахъ европейскихъ; названія, принадлежащія смежнымъ, на тѣсной картѣ, урочищамъ, перемѣшиваются, иногда обмѣниваются, и мы, обознавшись и не понимая нарицательнаго названія, пишемъ на оврагѣ — гора, а на горѣ озеро, или пески; такимъ образомъ рѣчки

превращаются въ могилы, а топи въ суходолъ. Все это, кажется, неминуемыя погрѣшности для всякаго, кто возьмется за составленіе карты степей нашихъ.

У кочевыхъ народовъ всякому мѣсту, не только всякому примѣтному урочищу, дается названіе; нерѣдко на одной квадратной верстѣ найдется до десятка и болѣе обозначенныхъ именемъ примѣтъ. Нанести все это на карту невозможно; а между–тѣмъ каждое, и самое ничтожное по виду урочище, можетъ быть, относительно, важно и примѣчательно: поэтому, недостатокъ мѣстныхъ свѣдѣній необходимо заставитъ васъ упустить важнѣйшее и поставить на мѣсто его предметы ничтожные. Но откуда взять необходимыя свѣдѣнія эти? Точекъ между Яикомъ и Сыромъ или Аму, гдѣ стояла когда нибудь мензула и столикъ съемщика — точекъ такихъ немного; только въ самое недавнее время стали пользоваться частыми походами и поисками въ степь для подробныхъ, по возможности, съемокъ; широты и долготы урочищъ еще менѣе извѣстны; однимъ словомъ, карта

Турана и Средней–Азіи основывается большею частію на распросахъ и разсказахъ, и потому въ ней гораздо болѣе воображенія, чѣмъ истины. И такъ, сообразивъ всѣ затрудненія и препятствія эти, должны мы говорить съ признательностію и уваженіемъ о всякомъ трудѣ, который можетъ болѣе или менѣе способствовать къ устраненію этого вѣчнаго марева, лежащаго для насъ, какъ непроницаемое или искажающее предметы покрывало, на обширнѣйшихъ въ мірѣ степяхъ, на степяхъ Турана.

Если, послѣ этого предисловія, бросимъ взглядъ на карту Циммермана, то конечно должны сознаться, что всѣ препятствія и затрудненія, о которыхъ мы говорили, имѣли довольно значительное на нее вліяніе. Но карта степей этихъ, безъ погрѣшностей, столь тѣсно связанныхъ съ дѣломъ, была бы истиннымъ дивомъ, потому–что ее могла бы создать одна волшебная сила. Почти всѣ русскія карты, которыми по–необходимости пользовался сочинитель, уползли бы цѣликомъ съ глазъ нашихъ, если бы всѣ ошибки, погрѣшности,

описки и опечатки на нихъ ожили. Каждому свое; воздадимъ же должное и нашимъ землякамъ, а потомъ не пощадимъ и чужестранца. Карта г. Левшина, на–примѣръ, не смотря на заслуги и достоинства подобнаго труда, никакъ не можетъ избѣжать этого общаго порицанія; вы найдете въ ней немного–дѣйствительно исправленнаго, — много, противу другихъ картъ, прибавленнаго, но за то и не мало перепутаннаго, ошибочнаго. Еслибъ сочинителя статьи этой заставили издать карту Турана, то и она, конечно, не могла бы служить образцовою, и въ ней было бы много ошибокъ и погрѣшностей; причины этому объяснены выше — но онъ и не берется не за свое дѣло, а хочетъ только указать на тѣ погрѣшности, которыя ему, по обстоятельствамъ, ближе извѣстны, чтобъ предупредить повтореніе ихъ на другихъ картахъ; хочетъ также показать иностранцамъ, что труды ихъ цѣнятся и уважаются у насъ, особенно если они касаются нашего отечества, а трудъ Циммермана стоитъ того, чтобъ его разсмотрѣть поближе, не довольствуясь

отзывомъ въ общихъ выраженіяхъ, безъ всякаго разбора и критической оцѣнки.

Напередъ всего спрошу: можно ли, при составленіи карты степи, пустыни, принять за основаніе одни и тѣ же общія правила, которыми руководствуются при составленіи карты жилыхъ, осѣдлыхъ мѣстъ? Если я раскину карту русскихъ губерній, то знаю уже, что именно означаютъ всѣ имена и названія; я не только вижу, гдѣ рѣка и гдѣ городъ, но по однимъ принятымъ знакамъ вижу гдѣ городъ столичный, губернскій, уѣздный, село, ямъ, деревня — словомъ, знаю куда и чему принадлежитъ названіе, что именно оно означаетъ. Не то бываетъ съ нашими картами степи; тамъ дѣло иное: мы подчасъ глядимъ на нихъ, какъ на китайскія письмена, и не знаемъ, чтѣ такое передъ нами: цѣлый листъ исписанъ варварскими названіями — и только. Вотъ почему, кажется, было бы необходимо разобрать и понять напередъ, какіе урочища и предметы именно на картѣ помѣщены, что они означаютъ, а потомъ принять также постоянные знаки для нихъ и придавать ихъ всѣмъ названіямъ; карта

сдѣлалась бы отъ этого вразумительнѣе, понятнѣе, и каждый зналъ бы, относится ли названіе къ рѣчкѣ, или къ увалу, или къ оврагу, къ песку, могилѣ и проч. Для этого, конечно, необходимо знать по–русски, по–татарски, и сверхъ того имѣть подъ рукой опытныхъ и хорошихъ вожаковъ степныхъ, которые могли бы объяснить всякое по этому предмету недоумѣніе. На картѣ Циммермана есть нѣсколько, — немного, — значковъ, но они почти всѣ составляютъ тайну сочинителя; объясненіе для большей части ихъ не приложено; кромѣ того мы находимъ во многихъ мѣстахъ у однородныхъ предметовъ различные знаки, и наоборотъ. Еще, казалось бы, не должно вовсе расчерчивать подобную карту хребтами и горами, за исключеніемъ развѣ хорошо–извѣстныхъ, дѣйствительно–снятыхъ пространствъ, потому–что всѣ горы, хребты, узлы и отроги эти выросли въ воображеніи сочинителей картъ и плодовитомъ на подобныя украшенія карандашѣ ихъ. На картѣ Циммермана, кромѣ того, всѣ горы оттѣнены въ одну мѣру, въ одну высоту, начиная отъ

Мугоджара, Свинцовыхъ Горъ и Чинка до едва–замѣтныхъ возвышенностей по теченію ручьевъ и рѣчекъ.

Сочинитель избралъ для карты своей проекцію Меркатора, какъ самъ говоритъ, для того только, что ее легче, удобнѣе примѣнить. Меркатора проекція удобна для картъ морскихъ, потому–что развертываетъ поверхность земнаго шара въ такую плоскость, по которой курсъ или ходъ корабля можно прокладывать прямою чертою, а это необходимое условіе для всѣхъ морскихъ картъ. Но проекція эта искажаетъ, какъ ивѣстно, всѣ очерки, потому–что переноситъ ихъ съ поверхности шара на поверхность цилиндра; каждая паралель или широта требуетъ особаго масштаба, и при общемъ взглядѣ на карту нельзя получить вѣрнаго понятія о взаимныхъ отношеніяхъ разстояній. Причины эти, кажется, могли бы побудить сочинителя карты избрать проекцію Бона, или другую, употребительную въ картахъ географическихъ, тѣмъ болѣе, что карта степи содержитъ болѣе градусовъ широты,

чѣмъ долготы, и кромѣ того, принадлежитъ пространству, удаленному отъ экватора.

Въ особо–отпечатанныхъ объясненіяхъ карты (Geographische Analyse), мы находимъ таблицу астрономически–опредѣленныхъ точекъ. Трудно понять, на чемъ именно основывается выборъ означенныхъ здѣсь мѣстъ. Можно бы предполагать, что таблица эта содержитъ перечень всѣхъ астрономически–опредѣленныхъ точекъ, входящихъ въ пространство карты; но мы находимъ тутъ, между–прочимъ, и приблизительныя широты и долготы, снятыя явнымъ образомъ только съ другихъ картъ; какое же преимущество заслуживаютъ именно эти точки, какое особенное довѣріе, и на чемъ основывается подобный выборъ? Во всякомъ случаѣ, кажется, мѣста, которыхъ широта и долгота снята съ картъ, не могутъ находиться въ таблицѣ опредѣленій астрономическихъ. Далѣе, для чего загадочныя долготы восточныхъ писателей внесены на таблицѣ этой въ графу: «Восточная долгота отъ Парижа»? Если сравнимъ, по таблицѣ этой, долготы Хивы и

Ховарезма, — чтъ, вѣроятно, одно и то же, то находимъ, что въ Ханствѣ Хивинскомъ должно быть по–крайней–мѣрѣ 30° долготы!! Наконецъ, въ таблицѣ этой есть невѣрности, которыя, по роду ихъ, нельзя отнести къ опечаткамъ; на–примѣръ: Калмыкова лежитъ, по опредѣленію Вишневскаго, подъ 69° 30', 18” долготы отъ Ферро; вмѣсто этого находимъ по таблицѣ, по переводѣ на меридіанъ Ферро: 69°, 18', съ помѣткою: «опредѣлено одометромъ Гебеля». Можно ли предпочитать наблюденія одометрическія астрономическимъ, и еще такого знаменитаго астронома? Оренбургъ показанъ под 59” широты, вмѣсто 31”; послѣднее опредѣленіе нынѣ, при новыхъ наблюденіяхъ, оказалось чрезвычайно–точнымъ. Сарайчикъ нанесенъ, по картѣ Гебеля, подъ долготою 49°, 33'; а между–тѣмъ давно уже извѣстно, что долгота Сарайчика составляетъ 49°, 23', 47”. Руководство Шуберта и пр. С.П.б. 1826, изданное, сверхъ–того еще на нѣмецкомъ языкѣ, по–видимому не принято сочинителемъ карты въ руководство, а

между–тѣмъ, оно содержитъ важныя и необходимыя для подобныхъ работъ свѣдѣнія.

Путь Рычкова (*) названъ важнымъ или замѣчательнымъ (wichtig) и нанесенъ на карту. Въ такомъ случаѣ, остается только нанести также и замѣчательную рѣчку, описанную Рычковымъ во всей подробности; она бѣжитъ безъ оглядки довольно–круто въ гору. Всѣ разсказы Рычкова до того неточны, неопредѣлительны, ничтожны и неосновательны, что нельзя слѣдовать за путемъ его по картѣ, а и того менѣе нанести путь этотъ во всей его подробности.

Разстояніе отъ Оренбурга до Хивы, по всей вѣроятности, болѣе, чѣмъ полагаетъ Циммерманъ, т. е. не 150, а 170–180 географическихъ миль. До Бохары считаютъ, по одометрическимъ измереніямъ, 1500 верстъ, до Хивы, ближнимъ отъ Оренбурга путемъ, на Усть–Уртъ, отъ 1200 до 1300.

(*) Это не историкъ и статистикъ оренбургскаго края, а братъ его.

Что на Аральскомъ Морѣ есть острова Барса–Кайтмасъ и Барса–Кильмесъ, это не сказка; мнѣ случалось говорить съ Кайсаками, которые сами бывали на этихъ островахъ. Названія острововъ этихъ значатъ: «если пойдешь, не прійдешь, или не воротишься», и основаны на томъ, что внезапная весна нерѣдко захватываетъ на этихъ островахъ Киргизовъ, зашедшихъ туда зимою для паствы скота, заставляетъ ихъ поневолѣ перелѣтовать въ этомъ уединеніи, гдѣ, сверхъ того еще, на иныхъ, бываетъ недостатокъ въ прѣсной водѣ, чтъ ставитъ и людей и скотъ въ бѣдственное положеніе. Довольно–значительный островъ, на которомъ есть гора и родники, лежитъ въ сѣверовосточной части Арала, около одной трети всей ширины моря отъ береговъ. Объ этомъ островѣ разсказываютъ много чудеснаго и сказочнаго; по всей вѣроятности, на немъ была когда–то огненная сопка. Въ ясную погоду островъ этотъ видѣнъ даже съ западнаго, высокаго берега Арала.

Вершины рѣкъ Эмбы и Илека не соединяются, какъ полагаетъ сочинитель

карты, въ этомъ я могу поручиться, какъ очевидецъ; онѣ раздѣляются сыртомъ Буссага. Но сыртъ этотъ вовсе не образуетъ горнаго кряжа: это едва–замѣтная возвышенность, раздѣляющая притоки Илека и Эмбы, хотя и состоитъ въ непрерывной связи съ горами Мугоджаръ.

Аргамаки названы бохарскою породою коней. Это несправедливо: аргамакъ составляетъ собственно туркменскую породу, и потому скорѣе могъ бы назваться хивинскою, чѣмъ бохарскою породой (*). Аргамаки не переносятъ зимы по–сю–сторону Усть–Урта; хивинская конница, встрѣтившая отрядъ нашъ зимою по ту сторону Эмбы и отброшенная конвоемъ обоза въ 200 человѣкъ, потеряла отъ стужи и безкормицы почти всѣхъ аргамаковъ. Память происхожденія аргамаковъ отъ лошадей арабскихъ сохранилась въ народной сказкѣ: извѣстный богатырь

(*) Нельзя безъ сожалѣнія читать статьи, подобныя статьѣ "*Аргамакъ*" въ "Энциклопедическомъ Лексиконѣ", гдѣ напутано Богъ–вѣсть что такое. Откуда Берлинцамъ взять вѣрныхъ и толковыхъ свѣдѣній о подобныхъ предметахъ, если мы сами пишемъ на–обумъ и печатаемъ свѣдѣнія, въ которыхъ нѣтъ ниже одной тѣни правды?

переплываетъ на лошади своей огромное озеро и выводитъ за собою, со дна его, цѣлый табунъ аргамаковъ.

Нельзя, кажется, сказать утвердительно, что въ Аральскомъ–Морѣ водятся тюлени; свѣдѣніе это одинъ писатель списываетъ у другаго, но кто и когда видѣлъ тюленя на Аралѣ? Русскіе плѣнники, старые рыбаки, увѣряютъ, что тюленей тамъ нѣтъ. Это же самое сказалъ я и въ статейкѣ Аральское Море, для «Энциклопедическаго Лексикона»; тотъ, кому поручены были поправки, взялъ поправками своими много грѣха на душу и, за–одно уже, принялъ и этотъ небольшой грѣшокъ, переправилъ добросовѣстное показаніе наше и поставилъ: «есть тюлени». Тюлень тюленю рознь; а есть они вездѣ.

Содержаніе солей въ водахъ Арала не одинаково; у восточныхъ и южныхъ береговъ, гдѣ устья большихъ рѣкъ, большею частію воду можно пить, если сѣверозападными вѣтрами не наноситъ воды соленой; у сѣверныхъ и западныхъ береговъ, напротивъ, воду пить нельзя, если юговосточные вѣтры не нагонятъ туда

прѣсной воды, которая легче соленой и потому всегда держится болѣе на поверхности.

Аральское–Море никогда не замерзаетъ сплошь, но отчасти только, иногда вся сѣверная половина, хотя нерѣдко вѣтры снова взламываютъ ледъ. Сыръ и Аму замерзаютъ каждую зиму; но ледъ не всегда одинаковой толщины и не равно долго стоитъ. Я напечаталъ однажды показаніе русскаго плѣнника, гдѣ говорилось, что ледъ на рѣкѣ Аму достигаетъ иногда толщины волжскаго льда. Г. академикъ Беръ упоминаетъ объ этомъ показаніи въ «Климатологическихъ Замѣчаніяхъ о Степи» и справедливо замѣчаетъ, что это должно быть преувеличено. Изъ болѣе–точныхъ разспросовъ я узналъ, что рѣка Аму бываетъ покрыта льдомъ отъ двухъ недѣль и до двухъ мѣсяцевъ, а толщина его бываетъ отъ 2 до 10 вершковъ.

О таблицѣ племенъ или родовъ Малой Киргизской Орды можно бы поговорить много; но поправить ее можно только, приложивъ на мѣсто ея болѣе вѣрную и

точную таблицу. Замѣтимъ еще относительно бывшихъ въ Хивѣ плѣнниковъ русскихъ, что число ихъ, по неточности имѣвшихся свѣденій, было преувеличено. Нынѣ возвратились изъ Хивы до 650 человѣкъ, со включеніемъ всѣхъ, разными путями и по одиначкѣ прибывшихъ въ–теченіе послѣднихъ двухъ или трехъ лѣтъ; показанія ихъ удостовѣряютъ, что русскихъ плѣнниковъ въ Хивѣ болѣе нѣтъ, или осталось, по разнымъ обстоятельствамъ, не болѣе 25 человѣкъ. По разчету взятыхъ съ моря людей, ихъ должно бы быть болѣе; но многіе бѣжали изъ неволи, прибыли на родину или погибли на пути, другіе погибли въ Хивѣ или у Туркменъ, а большая часть ихъ умерла во время бывшей въ Хивѣ холеры, въ 1828 и 1829 годахъ. Русскіе въ–особенности подвергались этой болѣзни и отъ нея гибли. По единогласному увѣренію плѣнниковъ, они вымерли тогда въ Хивѣ болѣе чѣмъ на половину.

Въ объясненіяхъ карты (Geogr. Analyse) на стр. 32 сказано: «Между линіею укрѣпленій на Яикѣ и Хивою, едва–ли есть какое–нибудь мѣсто, которое бы можно

сравнить съ европейскою деревнею». Какъ прикажете понимать это? Всѣмъ извѣстно, что на упоминаемомъ пространствѣ нѣтъ вовсе никакихъ заселенiй, ни дурныхъ, ни хорошихъ; чтѣ же тутъ значитъ сомнительное выраженiе: «едва–ли есть»? Въ недоумѣнiи тутъ самъ сочинитель, или онъ только неясно выразился? Если вѣрить кружкамъ, которые разставлены тамъ–и–сямъ въ степи и по виду ничѣмъ не отличаются отъ знаковъ, поставленныхъ вдоль линiи нашей при каждой станицѣ, то почти должно думать, что сочинитель карты населилъ зауральскую степь деревнями; но такого невѣдѣнiя допустить въ ученомъ человѣкѣ невозможно.

На стр. 34 говорится, что въ укрѣпленiи Бековича на Мангишлакѣ было нѣкогда 700 домовъ. Свѣдѣнiе это ошибочно и ложно — но этого мало: оно и до того безтолково, что непростительно помѣщать его въ ученомъ трудѣ. Откуда берутся подобныя извѣстiя, въ которыхъ нѣтъ не только правды, но и смыслу? Не–уже–ли есть люди, которые забавляются такими

выдумками, пуская ихъ въ свѣтъ для несвѣдущихъ и легковѣрныхъ?

На той же страницѣ говорится, что Новоалександровскъ заложенъ на превосходной гавани... Въ эту погрѣшность ввела г. сочинителя карта мѣстности; онъ, взглянувъ на Кайдакъ, подумалъ: «въ такомъ сапогѣ должно быть хорошо стоять на якорѣ» — и написалъ: превосходная гавань. Но на Тюпъ–караганѣ (а не Тюкъ), на самой оконечности, есть превосходная гавань, почти круглая, со входомъ при всѣхъ сѣверныхъ вѣтрахъ, и тутъ же вода въ колодцахъ довольно–прѣсная. При этомъ случаѣ, я упомяну о замѣчательныхъ свойствахъ степныхъ колодцевъ: въ пескахъ они всюду даютъ воду прѣсную; въ твердой, глинистой почвѣ, напротивъ, горькую и соленую. То же правило примѣняется и къ озерамъ: всѣ озира въ пескахъ прѣсныя, въ глинѣ горькія. Если у взморья вырытыя ямы даютъ воду прѣсную, какъ именно у Тюпъ–карагана, Кангишлака, то находимъ это только вплоть у взморья, въ ближайшихъ береговыхъ пескахъ; чѣмъ далѣе отъ берегу, тѣмъ вода

хуже. Вырывъ колодезь или яму, обыкновенно очень неглубокую, отъ 1 1/2 до 4 аршинъ, надобно разъ–другой вычерпать воду изъ нея; тогда набирается уже вода прѣсная, которая мѣстами современемъ портится, мѣстами же остается годною навсегда. Такимъ образомъ, у поименованныхъ урочищъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ восточнаго берега Каспія, можно содержать постоянные колодцы; но въ пескахъ внутреннихъ, въ Каракумѣ, Барсукахъ, этого нельзя: тамъ вода сносна только въ свѣжей ямѣ, а черезъ нѣсколько дней тухнетъ и сильно отзывается гнилыми яйцами, т. е. сѣроводороднымъ газомъ. При нѣкоторыхъ солено–горькихъ рѣчкахъ, какъ на–примѣръ при Узеняхъ, добываютъ прѣсную воду, выкопавъ яму въ аршинъ, не болѣе, вплоть у рѣки, въ самомъ руслѣ ея, подъ крутымъ берегомъ; но ямы, вырытыя близёхонько подлѣ первыхъ, только не въ самомъ руслѣ, а на возвышенномъ, глинистомъ берегу, даютъ воду солено–горькую. Въ пескахъ Кизылкума, проходимыхъ на пути въ Бохару въ 4–5

усиленныхъ переходовъ, нынѣ воды нѣтъ вовсе; но, по единогласному показанію Ордынцевъ, были тамъ, лѣтъ тому 80, одѣтые камнемъ и сведенные кверху кувшиномъ колодцы, глубиною отъ 8–20 саженъ. Вода въ нихъ была прѣсная; колодцы эти устроены, какъ говоритъ преданіе, Ногайцами, на которыхъ Кайсаки наши сваливаютъ всѣ древности степи, — памятники, могилы, курганы и колодцы. Хищные Хивицы завалили ихъ, чтобъ съ большею удобностію и вѣрностію выжидать прибытіе каравановъ у южной оконечности Кизылкума, на Юзъ–Кудукъ (сто колодцевъ) и брать съ нихъ пошлину или грабить по произволу. На Усть–Уртѣ подобные колодцы остались мѣстами понынѣ. Воду достаютъ изъ нихъ кожаными мѣхами (турсукъ и саба), таская ихъ лошадьми или верблюдами; но добывка воды идетъ этимъ способомъ такъ медленно, что при значительномъ количествѣ скота первая лошадь давно уже снова захочетъ пить прежде, чѣмъ очередь обойдетъ кругомъ и напоятъ послѣднюю. Поэтому караваны на этихъ путяхъ всегда

разбиваются на самыя малыя части, которыя слѣдуютъ то различными путями, то на переходъ одна отъ другой.

Перейдемъ теперь собственно къ картѣ Циммермана — не съ тѣмъ, однакожь, чтобъ сдѣлать полный списокъ всѣмъ опискамъ, ошибкамъ, недоразумѣніямъ и опечаткамъ — это было бы выше силъ нашихъ; но мы коснемся только самыхъ рѣзкихъ погрѣшностей, раздѣливъ ихъ нѣкоторымъ образомъ на разряды: пусть онѣ послужатъ примѣромъ и оправдаютъ сдѣланныя нами выше на счетъ карты замѣчанія.

Не только значительная часть татарскихъ названій искажена до того, что ихъ не узнаешь въ нѣмецкомъ платьѣ, но неменѣе того достается и русскимъ; напримѣръ: Magnitai — т. е. Магнитная; Graznutinskoi — Грязнушенской; Kolnoikoi — т. е. Колнацкой; Sakmarsch — Сакмарскъ; Wergheozernaia — Верхнеозерная; Neainskoi — Нѣженской; Razboinoe — Разбойный; Zatonkoi — Затонный; Irteckoi — Иртецкой; Genwarcoe — Генварцовъ; Rubegnoi —

Рубежной; Guilowski — Гниловскій; Kogekharowskoi — Кожехаровскій; Bakoewa — Баксайская; а подлѣ, рядомъ, но по ту сторону Урала, въ степи, поставлено то же самое названіе, только поправильнѣе; чтѣ это значитъ и къ–чему названіе казачей станицы тутъ искажено, а тамъ выдвинуто въ степь, на небывалое мѣсто? Сверхъ того, тутъ же, въ степи, поставленъ и значокъ, который, какъ и большая часть остальныхъ, — загадка для читателей. Начиная отъ Сарайчика, внизъ, находимъ сряду 4 названія, или выдуманныхъ, или искаженныхъ до того, что въ нихъ не осталось уже никакого подобія подлинныхъ. Подлѣ форпоста или станицы Зеленый, читаемъ: Smile; это чтѣ такое? Шахтемиръ, городъ, изгладившійся даже изъ памяти народной, не только съ лица землц — обозначенъ такимъ же точно значкомъ, какъ и всѣ еще доселѣ существующіе селенія и города Хивинскаго Ханства, тѣмъ же самымъ, какъ и помянутая Баксайская Станица. Этотъ же значокъ, небольшой кружокъ, встрѣчаемъ, кромѣ жилыхъ мѣстъ, также во множествѣ

среди пустопорожнихъ, голыхъ степей; непонятно, для чего и какимъ образомъ это сдѣлалось; наборщикъ тутъ не виноватъ и не могъ ихъ просыпать и насѣять невзначай: карта, какъ обыкновенно, вырѣзана. Не понятнѣе этой загадки для насъ и другая: чтѣ означаетъ слово: Aule (на–примѣръ на Илекѣ, у Яманкалинской)? Аулъ называется на татарскомъ языкѣ (не будемъ спорить о происхожденіи слова) деревня, жилое мѣсто, а у кочевыхъ народовъ кучка войлочныхъ кибитокъ одной семьи, которая держится всегда вмѣстѣ и состоитъ изъ 3 до 12 кибитокъ. Если же разсудимъ, что селеній постоянныхъ въ степи зауральской нигдѣ нѣтъ, а кочевыя безпрестанно мѣняютъ мѣста свои, такъ–что едва ли есть гдѣ–нибудь въ степи точка, на которой бы въ–теченіе извѣстнаго времени не кочевали Кайсаки и не ставили своихъ ауловъ — то загадка остается загадкой. То же почти можно сказать о надписи: Зимовье Малой Орды, на Аксакулѣ, т. е. Аксакал–Барбы; зимовокъ безчисленное множество; онѣ раскинуты отъ Урала до Сыра и далѣе, и ни

какимъ образомъ не могутъ быть показаны на картѣ подобнаго размѣра; за что же и къ–чему поставить исключительно на одномъ мѣстѣ: аулы, на другомъ: зимовки, когда этими двумя словами можно исписать всю карту сплошь–и–подрядъ?

Джаманъ–Айраклы (слово «джаманъ» — дурной, худой, написано то такъ, то иначе, о чемъ поговоримъ ниже) изображенъ неправильно, невѣрно, предлиннымъ мысомъ или косой, отъ–чего къ востоку образовалась на картѣ губа, которой въ природѣ нѣтъ. Новоалександровскъ отодвинутъ слишкомъ далеко на югъ, а сверху читаемъ: Dziedelkamei — это также какая–то небывальщина. Впрочемъ, слово это взято съ русскихъ картъ: имъ честь и слава; но правописаніе разсматриваемой нами карты, въ которомъ нѣтъ ни малѣйшаго единообразія, доказываетъ мѣстами, что нѣкоторыя названія взяты и съ французскихъ картъ, безъ надлежащаго приноровленія къ языку нѣмецкому, отъ–чего и выходитъ новая путаница.

Соленыя озѣра и солонцы мѣстами названы по–русски: Solontschak, названіе,

которое нерѣдко поставлено какъ имя собственное (напр. по обоимъ берегамъ низовьевъ Эмбы), иначе слѣдовало бы сказать по–нѣмецки: Salzsee, Salzmoor; мѣстами по–татарски; ссуръ или ачи; встрѣчаемъ также на картѣ: pressnoi, даже proenoe, т. е. прѣсное, также въ видѣ именъ собственныхъ, — по–крайней–мѣрѣ ни одинъ иностранецъ не можетъ принять подобную надпись иначе, какъ за названіе урочища, и я даже увѣренъ, что у насъ явится вскорѣ русская карта, на которой будутъ красоваться подобныя искаженныя русскія слова въ видѣ именъ собственныхъ, и что какой–нибудь издатель карты, почтенный соотечественникъ нашъ, напишетъ, пользуясь картой Циммермана: «Озеро Проеное». Татарское названіе озера, куль, сочинитель нерѣдко сокращалъ, или лучше сказать списывалъ въ этомъ сокращенномъ видѣ съ другихъ картъ; но кто же догадается, что Khodjak означаетъ Ходжакуль? И это опять поводъ къ новой галиматьѣ.

Обратимся къ рѣчкамъ. Кизылъ, который, какъ извѣстно, давнымъ–давно

пересохъ вовсе, оставивъ только мѣстами, на бывшихъ омутахъ, водяныя ямы и озёра, течетъ на картѣ этой довольно–великолѣпно и многоводнѣе самаго даже Сыра; названіе одного изъ близкихъ къ морю рукавовъ Сыра, а именно Утабасъ, перенесено самоуправно на рѣку Куванъ; а между–тѣмъ и Куванъ не вовсе разжалованъ, а названъ также и Кувaномъ. Потокъ или рѣка, которая названа выше Кизылъ, а ниже Udsjan, называется не Кизылъ и не Удзьянъ, а Яны или Джаны–Дарья; а названіе Кизылъ слѣдовало бы перенести къ означенному точками руслу рѣки, гдѣ подписано «слѣды рѣки». Эти погрѣшности довольно–значительны, и ихъ, кажется, можно было бы избѣгнуть. Въ степи уральскихъ казаковъ также не было и нѣтъ рѣки: Naryn–chara; Эмба и Сагызъ (на картѣ Sagil) не вливаются такими широкими устьями въ море: обѣ рѣчки эти теряются и исчезаютъ въ камышахъ и топяхъ. На полуостровѣ Бузачи нѣтъ вовсе никакой рѣчки, слѣдовательно нѣтъ и Сухой (Suchaja), развѣ кому–нибудь вздумалось дать названіе это оврагу; но тогда бы не

должно рисовать его довольно–обстоятельно рѣчкой. Взглянувъ на любую изъ нашихъ картъ, мы конечно видимъ, какъ на Бузачи, такъ и въ другихъ мѣстахъ восточнаго берега Каспія, смѣлою рукою начертанныя рѣки; но это позволительно дѣлать только нашимъ составителямъ картъ, для прикрасы, для пополненія пробѣловъ, непріятно–поражающихъ глазъ покупателя — а Нѣмцу не должно было слѣдовать подобнымъ источникамъ, потому–что онъ составлялъ карту свою для людей ученыхъ. Между–тѣмъ, у него и въ губу Александръ–бай выплываютъ три небывалыя рѣчки и подтверждаютъ то, чтъ мы говорили сейчасъ о русскихъ картахъ. Наконецъ, встрѣчаемъ мы на картѣ во многихъ мѣстахъ (напр. на южной оконечности Тюнъ–Карасу, также у небывалаго озера Grahi–kulj) русское слово: Kliutsch, т. е. ключъ; и это нарицательное, какъ множество другихъ, могло попасть на карту только по оплошности и недоумѣнію. Если позволительно оставлять иногда, для большей ясности, при собственныхъ

именахъ и нарицательныя, то это, конечно, можетъ относиться только къ природному языку обитателей страны, или къ тому языку, на которомъ составляется карта; такъ мы пишемъ имена: Сыръ–Дарья, Аму–Дарья, Кара–Куль, Юзъ–Кудукъ, или же прибавляемъ къ предметамъ русское нарицательное: рѣка, озеро, колодезь; но если прописывать на картѣ нарицательныя имена предметовъ на всѣхъ языкахъ, на которыхъ карта была сочинена или на которые была переведена, то выйдетъ безтолочь; а если еще сверхъ того ставить одно только нарицательное, по себѣ, то это и подавно можетъ только увеличить путаницу именъ и названій.

Колодцы еще строптивѣе рѣкъ для сочинителя карты этой и вовсе отбились отъ рукъ; онъ ихъ распустилъ во всѣ концы, на произволъ судьбы, не заботясь о званіи и прозваніи. Иногда сидятъ они съ подложными русскими паспортами, увѣряя, что они: kolodza, kolodschi (т. е. колодезь или колодцы) и kopani; мѣстами — подъ татарскими ярлыками: kuduk, kudek, иногда даже kodoegi или сокращенно: Kud.;

мѣстами же признаются чистосердечно, что они Нѣмцы и называютъ себя: Brunnen. Ихъ бы надобно, кажется, всѣ подъ одну стрижку; безъ этого, повиновенія не будетъ, — и велѣть имъ называться или по-татарски, или по-нѣмецки. Кто, не зная ни татарскаго, ни русскаго языка, тутъ доберется толку?

Горы на картѣ Циммермана также вышли изъ послушанія и величаютъ себя то такъ, то сякъ и на разныхъ языкахъ. Тай, Тагъ, gora, gory, даже gorali — все это замѣняетъ нѣмецкое Berg или Gebirge. Утесъ подъ названіемъ utes (Felsen utes) находится, по картѣ, на южной оконечности Тюнъ-Карасу. И такъ, еслибъ Французъ сталъ переводить карту эту на свой языкъ, то онъ бы уже обязанъ былъ поставить тутъ: rocher, Felsen, utes; Англичанинъ еще прибавилъ бы къ этому свое: roc. Такимъ образомъ, мало по малу, можетъ составиться, совокупнымъ стараніемъ многихъ ученыхъ всѣхъ европейскихъ народовъ, очень-полезный словарь нарицательныхъ именъ; но ему на картѣ было бы тѣсно и лучше, кажется, такіе

словари печатать отдѣльно. На полуостровѣ Бузачи отшрафованы и вычерчены горыне хребты, которые ни въ чемъ не уступаютъ воздымающемуся отъ поверхности морской на 100 саженъ Чинку; между–тѣмъ, однакоже, на Бузачи горъ нѣтъ вовсе: есть только незначительные овраги, песчаные бугры и пригорки. Есть также, судя по картѣ, еще одна рѣдкость на этомъ замѣчательномъ полуостровѣ: Urozizi Karatasch; послѣднее слово, татарское, значитъ: черный камень, но должно остаться въ этомъ видѣ потому–что обратилось уже въ имя собственное; первое же представляетъ опять образчикъ самаго неудачнаго перевода или передѣлки съ русскаго: это значитъ урочище, а слову «урочище», конечно, на нѣмецкой картѣ не мѣсто.

Въ землѣ уральскихъ казаковъ находимъ въ двухъ мѣстахъ: Barchany – во–первыхъ вверху, рядомъ со станціями или форпостами и однимъ съ ними письмомъ, во–вторыхъ пониже, гдѣ слово это выставлено вдоль дороги. Изъ этого надобно заключить, что сочинитель

принялъ въ 1–мъ случаѣ слово это за названіе станицы, во 2–мъ за названіе дороги. Но барханами называются наносные песчаные бугры, то же, что въ Южной Россіи кучегуры и то же самое, чтъ, на восточномъ берегу Арала, названо на картѣ: pestschanye bugri – выраженіе, непонятное ни для кого, кто не знаетъ по–русски, и конечно вовсе неумѣстное. То же самое должно замѣтить о надписяхъ: glubokoi prowali и kamishi, на Усть–Уртѣ: надобно было поставить на нѣмецкой картѣ, вмѣсто глубокіе провалы и камыши: tiefe Erd–Falle und Schilf oder Rohr. Еще видимъ: Naziwaem uro maloi barsuk – т. е. урочище, называемое Малый Барсукъ; переводъ этой русской длинной рѣчи, написанной въ искаженномъ видѣ, находимъ подлѣ: ort, benannt kleiner Barsuk; поэтому, русскій припѣвъ тутъ и подавно лишній, тѣмъ болѣе еще, что онъ изувѣченъ, сокращенъ, переиначенъ и сверхъ того случайно угодилъ на Большой Барсукъ, гдѣ уже названію Малаго Барсука никакъ нельзя дозволить поселиться. Вплоть подъ этой ошибкой, есть еще искаженное русское

нарицательное: Pesschanaja cosa; что за странность переводить такимъ образомъ? Девлетъ–Гирей, остатки какихъ–то стѣнъ, несправедливо приписываемыхъ кн. Бековичу, лежитъ не посреди Усть–Урта, какъ показано на картѣ, а у самаго взморья, на Аралѣ. Razval. kamnai (на Ю. З. отъ Хивы) означаетъ вѣроятно: каменныя развалины и представляетъ намъ еще образчикъ того же искусства переводить.

Множество разсѣянныхъ по картѣ могилъ также обозначены то по–татарски (Уба, Аба), то по–русски, еще и сокращенно: mog. т. е. могила, то по–нѣмецки. Это, особенно для иностранцевъ, должно необходимо служить новымъ поводомъ къ сбивчивости и недоумѣніямъ. На восточномъ берегу Каспія читаемъ: Russische Isba. Иностранецъ не знаетъ, что такое изба; почему же не назвать ее избой на томъ языкѣ, на которомъ писана карта? и почему же на этомъ мѣстѣ обозначена одинокая избушка — вѣроятно поставленная когда–нибудь астраханскими промышленниками и давно уже

уничтоженная — если, напримѣръ, о постоянныхъ казармахъ и зимовкахъ рыбаковъ и тюленьщиковъ нашихъ на островахъ у Тюпъ–Карагана не упоминается ни слова? — Наконецъ, замѣтимъ, что слова большой и малый, часто повторяющіяся на картѣ, являются, безъ всякой видимой на то причины, то на одномъ, то на другомъ, то на третьемъ языкѣ, и перейдутъ вѣроятно такимъ образомъ, въ видѣ собственныхъ именъ, на другія карты и въ подробныя землеописанія. Или пишите такія слова разъ–навсегда на природномъ языкѣ той земли, которую изображаете, или переводите на тотъ языкъ, на которомъ составляете карту; но никогда не дѣлайте на одной и той же картѣ то такъ, то иначе, а и пуще того никогда не принимайте еще и третій языкъ, для одного лишь увеличенія путаницы.

Вотъ нѣсколько замѣчаній, какъ объявили мы напередъ, для одного лишь примѣра, для подтвержденія того, чтъ сказали мы о картѣ этой въ общихъ словахъ; но никто въ мірѣ не былъ бы, при

нынѣшнемъ положенiи дѣлъ, въ состоянiи передвинуть каждый предметъ, вошедшiй въ карту эту, на свое мѣсто и выправить всѣ описки, обмолвки и опечатки. Это была бы работа вѣковая, превосходящая силы и познанiя одного человѣка. Значительная часть погрѣшностей перешла, конечно, въ эту карту изъ другихъ, а потому и нельзя бы, казалось, обвинять за нихъ сочинителя; пусть такъ, — пусть же каждый изъ предшественниковъ его на этомъ поприщѣ беретъ на свою долю свои грѣхи, которые попутали и соблазнили г. Циммермана, ввѣрившагося, безъ надлежащей повѣрки, работѣ и показанiямъ другихъ, ненадежныхъ составителей картъ и описанiй. Если у насъ возникаетъ по временамъ географическая карта, работы грубаго и небрежнаго рѣзца, такъ–сказать уже съ вывѣскою; авось, не бось и какъ нибудь, — то мы не удивляемся, читая на ней Екатеринградъ вмѣсто Екатериндара, не удивляемся и тому, что сочинитель скралъ рѣку Самару, какъ у Гоголя вѣдьма скрала мѣсяцъ, а подарилъ насъ за то расширенной и распространенной рѣкой Бузулукой: мы

видимъ по первому взгляду, что тутъ пенять ни на кого и нѣ къ чему: нѣ накого, потому–что тутъ не было и намѣренія составить и издать что–нибудь годное, порядочное, а было въ виду только одно: объявить во всѣхъ газетахъ о выходѣ новой, полнѣйшей, лучшей исправленной карты; ни къ чему, потому–что пеня наша будетъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ: никому онъ не послужитъ къ добру, никто не исправитъ карты своей по замѣчаніямъ вашимъ; приступая, по требованію книгопродавца, къ новому изданію карты, сочинители, какъ мы видимъ безпрестанно, даже не исправляютъ самыхъ грубыхъ опечатокъ. Зачѣмъ хлопотать? разошлось первое изданіе — разойдется и второе, особенно если объявить: «исправленное, дополненное» и пр. Но если Нѣмецъ издастъ карту свою съ такимъ усердіемъ, стараніемъ, тщаніемъ; если видно, что онъ сидѣлъ систематически за каждой точкой и ковычкой, собиралъ и сводилъ все, чтѣ только было писано и говорено объ этомъ предметѣ, и наконецъ съ добросовѣстною профессорскою важностію предлагаетъ

дѣйствительно ученый трудъ, но съ неизбѣжными промахами, — тогда позволено, тогда должно разбирать его и говорить объ немъ вслухъ, потому–что каждое дѣльное замѣчаніе пойдетъ въ прокъ и имъ при первомъ случаѣ воспользуются. Гдѣ критика есть не что иное, какъ шутовская, дѣтская пальба морковью и рѣпой изъ перышка, или бумажная хлопушка — не говорю уже шуточная лещёдка паяца, — гдѣ она уже по примѣрному росписанію составляетъ войско непріятельское — тамъ она ни въ прокъ, ни въ помощь; но гдѣ она стоитъ въ числѣ войскъ дружескихъ, союзныхъ, сражающихся за одно общее дѣло, тамъ она должна являться на сборное мѣсто по первому знаку и идти добросовѣстно съ товарищами своими рука–въ–руку и нога–въ–ногу.

Источники, болѣе сподручные сочинителю карты, какъ на–примѣръ, всѣ показанія древнихъ, обработаны въ трудѣ его, по–видимому, съ гораздо–большею осмотрительностію и вѣрностію; сознаваясь въ весьма–поверхностномъ знакомствѣ

своемъ на поприщѣ этомъ, критикъ удерживается отъ всякихъ сужденій. Ясно и убѣдительно, при всей краткости, изложенъ взглядъ сочинителя на мнѣнія о такъ–называемомъ старомъ руслѣ или старицѣ р. Аму и о прежнемъ ея теченіи; загадочный предметъ этотъ часто подавалъ уже поводъ къ догадкамъ, спорамъ и разсужденіямъ и остался, болѣе или менѣе, загадкой по сегодняшній день. Сочинитель замѣчаній этихъ, нѣсколько лѣть тому, изложилъ мнѣніе свое объ этомъ предметѣ, основанное на тѣхъ же почти началахъ и съ тѣми же почти выводами, хоть и не могъ подкрѣпить ихъ такою основательною ученостію и начитанностію, какъ г. Циммерманъ. Скромное мнѣніе это, принадлежащее, какъ и всякое мнѣніе и личный взглядъ, собственно личности человѣка, который рѣшился изложить его, — было переиначено и искажено въ знаменитомъ ларчикѣ съ секретомъ, о коемъ въ свое время откровенно объявлялось въ одномъ довольно–рѣшительномъ журналѣ.

Но возвратимся къ Аму–Дарьѣ: преданіе о прежнемъ впаденіи ея въ Каспійское–Море до того невѣроятно, что открытые слѣды стараго русла или старицы — если только доказано будетъ, что она точно идетъ отъ самой плотины Аму до каспійскаго взморья — скорѣе приписать можно стоку морскихъ водъ Арала въ Каспій: большая часть ученыхъ не сомнѣвается нынѣ въ томъ, что оба моря составляли въ древности одно, и только впослѣдствіи раздѣлились: при этомъ постепенномъ раздѣленіи стокъ высшаго, то–есть Арала, въ низшее, то–есть въ Каспій, могъ продолжаться десятки лѣтъ и оставить глубокую старицу, наподобіе русла большой рѣки. Критику было пріятно встрѣтить у Циммермана независимое отъ перваго, но сходное съ нимъ мнѣніе.

Возвращаясь еще напослѣдокъ опять къ картѣ, должны мы признаться, что замѣтки на ней по части естественной исторіи ничтожны, странны и невѣрны. Этому, кажется, и не мѣсто на подобной картѣ, и дѣло всегда выйдетъ безтолково. Если я, на–прим., читаю на югѣ отъ Усть–Урта:

«дикіе кони, буйволы, лисицы, karbusen, melonen, dynie, gurken, cucumber und Hirse (карбузы, дыни, мелёны, огурцы, еще огурцы и просо), то мнѣ трудно догадаться, что куланъ (Eq. Hemionus Pall.) водится также верстъ 700 сѣвернѣе этой полосы, что здѣсь дикихъ буйволовъ нѣтъ, хоть Каракалпаки и держатъ иногда ручныхъ или домашнихъ; что собственно лиса водится не только почти во всей степи, но почти во всей Европѣ и Азіи, между–тѣмъ, какъ собственно въ этихъ мѣстахъ нашей лисы нѣтъ вовсе, а есть, по–сѣвернѣе, корсукъ (C. korsak Pall.), а южнѣе, караганка (C. melanotus P.), т. е. два вовсе отличные вида степной лисы; что арбузы (а не карбузы) и дыни растутъ прекрасно около Оренбурга и даже Омска, десять градусовъ сѣвернѣе того, гдѣ они показаны на картѣ; что dynie та же самая дыня, которую сочинитель назвалъ уже разъ melone; что нѣтъ никакой причины приписывать Туркменской Степи въ особенности огурцы, cucumber и просо, и прочее и прочее; — всего этого изъ лаконической надписи видѣть нельзя, а

можетъ она или ввести незнающаго въ смѣшныя ошибки, или заставить знающаго улыбнуться на–счетъ этой неумѣстной и неудачной нѣмецкой аккуратности, съ которою размѣщены на картѣ безтолковыя и невѣрныя свѣдѣнія.

Окончательно пользуюсь случаемъ, чтобъ сказать нѣсколько словъ, относящихся къ разсматриваемому нами предмету.

Произношеніе Кайсаковъ или Киргизовъ, говорящихъ нарѣчіемъ турецкаго языка, отличается не только отъ турецкаго, но и отъ татарскаго, употребительнаго въ губерніи. Спрашивается: чему придерживаться намъ въ правописаніи собственныхъ именъ и названій за–уральской степи — турецкому ли произношенію, мѣстному татарскому, или просто киргизскому? Кажется, тутъ нѣчего и спрашивать: должно называть каждое урочище тѣмъ именемъ, какое дано ему жителями, не переиначивая, не картавя и не исправляя; иначе мы не признаемъ названіе это, увидавъ его гдѣ–нибудь въ другомъ мѣстѣ, и не признаемъ въ устахъ

кореннаго жителя, который по–турецки не знаетъ. Составляя карту Сербіи, земли Чеховъ, никому не прійдетъ въ голову переиначивать названія мѣстъ, рекъ и городовъ на русскій ладъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что русскій языкъ долженъ быть господствующимъ, а сербскій и чешскій суть нарѣчія языка кореннаго. А между–тѣмъ, есть люди — и это опять все тотъ же знаменитый мужъ, — которые не упускаютъ ни одного случая прогнать волею и неволею сквозь чистилище свое, сквозь знаменитый механическій ларецъ, всякое мѣстное названіе, каждое собственное имя одного корня съ турецкимъ языкомъ и передѣлать: may на тагъ; джа, дже, джи, джу — на я, е, и, ю, окончаніе ты на лы; твердое к на х, мягкое на г и прочее и прочее. Разсудите насъ, господа, съ этимъ мужемъ, съ этимъ неумолимымъ закройщикомъ: не подаетъ ли чистоплотность его поводъ къ новымъ недоумѣніямъ и путаницѣ? не прійдется ли вамъ, если повѣрите ему на–слово и затвердите словарь его, переучиваться, пріѣхавъ на мѣсто, и разспрашивать, и

переспрашивать, и заучивать снова каждое имя и названіе?

Тотъ же господинъ, человѣкъ очень ученый, знающій, начитанный, — это говоримъ мы вовсе не въ насмѣшку, а отдаемъ чистосердечно должному должное, — слишкомъ рѣзко и положительно опровергаетъ и безъ околичности хѣритъ мнѣнія другихъ людей, которые, при несравненно–мѣньшей степени учености, могутъ, однакоже, иногда также знать хоть что–нибудь, вовсе не тягаясь, впрочемъ, въ свѣдѣніяхъ своихъ со всезнайкою. Итакъ, похѣривъ то, что сказалъ подпавшій поправкѣ его сотрудникъ, оріенталистъ говоритъ: «Аралъ–куль или Аралъ–дынгизъ не можетъ означать островитаго моря, потому–что въ этомъ случаѣ надобно бы сказать Аралъ–дынгизы; да и тогда тутъ заключалось бы понятіе объ одномъ только островѣ; а наконецъ, во всѣхъ турецкихъ нарѣчіяхъ островъ называется не аралъ, а ада. Настоящее названіе моря этого Аралу–дынгизъ, чтѣ означаетъ море промежуточное, лежащее между двухъ

большихъ рѣкъ, Сыра и Аму». Вотъ смыслъ рѣчи; словъ не помню. Но все это хоть и гладко на письмѣ, кочковато на дѣлѣ, произвольно и несправедливо. Въ подобныхъ вещахъ недостаточно фирмана знаменитаго оріенталиста, а надобно доказать вещь дѣльно, не надѣясь на то, что мало кто знаетъ по–турецки. Дѣло въ томъ, что 1) дѣйствительно надобно бы говорить Аралъ–дынгизы, но не принято, не говорится; относительное мѣстоименіе и или ы откинуто, какъ то встрѣчаемъ мы во многихъ другихъ случаяхъ и какъ самъ оріенталистъ вслѣдъ за тѣмъ допускаетъ, сказавъ, что слѣдовало бы говорить Аралу–дынгизъ, между–тѣмъ, какъ народъ говоритъ Аралъ. 2) Единственное число вмѣсто множественнаго ставится такъ часто на татарскомъ языкѣ, что оріенталисту и не слѣдовало бы объ этомъ упоминать; онъ знаетъ, конечно, что не говорятъ по–татарски: «есть ли у васъ зайцы, медвѣди?» а спрашиваютъ: «заяцъ есть у васъ, медвѣдь есть?» — Впрочемъ, самое значеніе слова Аралъ объяснитъ обстоятельство это еще болѣе. 3) Но самое главное: — на

здѣшнихъ нарѣчіяхъ турецкаго языка нѣтъ турецкаго слова ада; островъ называется утрау, а аралъ значитъ земля, суша, какъ противоположность воды и моря. Вотъ почему Аралъ–дынгизъ, по всѣмъ правиламъ разговорнаго языка и по общему понятію туземцевъ, значитъ: море суши, море земельное, островитое. Къ этому можно еще прибавить: что самопроизвольное объясненіе г. оріенталиста, напротивъ того, не годится, это и мы, неученые, можемъ сказать положительно; и не годится потому–что еслибъ «аралъ» или даже, пожалуй, «аралу», происходило отъ «ара», между, то «аралу» никогда бы не могло означать вещь, лежащую между, но напротивъ того вещь, въ которой есть промежутки; такъ, напр., атлы, бурклы, гакклы означаютъ, будучи составлены по тому же образцу, человѣка, у котораго есть лошадь, шапка, умъ. Охотно соглашусь съ тѣми, которые скажутъ: нѣть большой важности въ значеніи этого слова; но на что пускаться въ новыя открытія и запутывать и сбивать народъ? зачѣмъ вымарывать все, чтъ

только говорятъ другіе и замѣщать своимъ, важное ли оно, не важное ли?

Мало того; ученый мужъ выкидываетъ подобныя штуки при каждомъ и удобномъ и неудобномъ случаѣ, кстати и некстати, лишь бы ты ему попался. Острова Барса–Кильмесъ и Барса–Кайтмасъ были имъ похирены подъ этимъ званіемъ и передѣланы, умышленно, съ намѣреніемъ, въ Бирса–Кильмесъ и Кайтмосъ и переведены по–свльему: «никто не пойдетъ», или «никто не прійдетъ» — не упомню теперь. Для чего же сей ученый мужъ посягнулъ на жизнь и цѣлость собственнаго имени или названія, которое онъ, безъ сомнѣнія, переиначить не въ силахъ, а можетъ только развѣ изуродовать его въ столбцахъ книжки? для чего не оставилъ названія эти такими, каковы они есть на самомъ дѣлѣ? Для того, чтобъ перевести ихъ по–свльему, иначе, чѣмъ другіе люди, менѣе ученые. Между–тѣмъ, однакоже, острова эти называются по сегодняшній день еще Барса–Кильмесъ и Барса–Кайтмасъ, что значитъ въ вѣрномъ русскомъ переводѣ: «если пойдешь, то не

воротишься»; названіе это объяснено уже выше.

Статья моя, сравнительно съ выходомъ карты г. Циммермана, запоздалая; она была написана еще весною 1840 года на нѣмецкомъ языкѣ, для несостоявшагося въ Дерптѣ повременнаго изданія; нынѣ напечатана она въ «Beitrage», издаваемые нашей Академіей Наукъ, и, по желанію издателя «Отеч. Записокъ», переложена самимъ сочинителемъ на русскій языкъ (*). Издателю карты незначительныя по себѣ замѣчанія наши будутъ пріятны, въ этомъ можно быть увѣрену; оріенталисту, который, по учености своей, стоитъ такъ высоко, что нашему брату къ нему и съ шестомъ не приступиться, замѣтки эти ни по–чемъ: онъ не сознается въ промахахъ своихъ и не исправится. Пусть же по–крайней–мѣрѣ посмотрятъ да послушаютъ люди со стороны, авось имъ въ прокъ пойдетъ, если у нихъ доброе на умѣ, и они

(*) За что издатель "Отечеств. Записокъ" и свидѣтельствуетъ почтенному автору свою душевную благодарность.

убѣдятся въ справедливости нашего негодованія.

В. ДАЛЬ